

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ А.КУПРИНА «СУЛАМИФЬ»

М.И.Даракчи

(аспирант, *Измаильский государственный гуманитарный университет*)

Через виявлення просторово-часових характеристик повісті О.І.Купріна "Суламіф" аналізуються особливості інтертекстуального поля цього твору.

Revealing spatial-temporal characteristics of A.I.Kuprin's "Sulamyth" the author analyzes intertextual features of the given literary work.

В композиционно-сюжетной структуре повести Куприна «Суламіф» выделяются три основных плана повествования: культурно-исторический, философско-познавательный и интимно-личный. Такая многослойность художественного дискурса обусловлена включением в его интертекстуальное поле нескольких прецедентных текстов, которые, по мнению самого Куприна, существенно нивелировали художественную ценность его повести: «А ведь это искусственная вещь, — рассуждал он о своем художественном творении,— написана она по книгам. Набор книжных сведений, выписки, цитаты... Жизни в «Суламіфи» нет. Это очень искусно сделанная, но холодная вещь» (1, 174).

Думается, Куприн был излишне критичен по отношению к повести. Напротив, генетико-контактные связи «Суламіфи», и в первую очередь, с ветхозаветными преданиями Библии, существенно обогатили художественное произведение и представляют несомненный интерес для исследователя. Типологические схождения позволяют не только глубже осмыслить различные формы авторской рецепции, но и постичь принципы создания нового художественного мира.

Цель данной статьи – проследить за трансформацией библейской модели времени и пространства в повести «Суламіф».

Основными источниками легендарно-исторических глав «Суламіфи» (I, II) являются Третья Книга Царств и книги Паралипоменон, рассказывающие о царствовании Соломона. Следуя за библейским текстом, писатель использует линейно-хронологическое историческое время. Оно имеет свою датировку и соотносено с определенным событием. Повесть «Суламіф» начинается с точной неатрибутированной цитаты из Третьей Книги Царств:

В 480 году по исшествии Израиля, в четвертый год своего царствования, в месяце зифе, предпринял царь сооружение великого храма (2, 260); В четыреста восьмидесятом году по исшествии сынов Израилевых из земли Египетской, в четвертый год царствования Соломонова над Израилем, в месяц Зиф, который есть второй месяц, начал он строить храм Господу (3Цар.6:1).

Конкретному времени в повести Куприна, как в Третьей книге царств и Второй книге Паралипоменон, соответствует локальное пространство, которое не только «привязывает» изображаемый мир к определенным топографическим реалиям, но и активно влияет на суть исторического повествования. Конкретным местом действия в прецедентных текстах и фенотексте является столица Ханаанской земли — Иерусалим, олицетворяющая в библейской истории человечества цветущее государство во времена царствования Соломона. Хронотоп в коррелирующих текстах становится одним из художественных средств, позитивно характеризующих внутреннюю и внешнюю политику Соломона, направленную на расцвет экономической жизни страны.

Ориентируясь на библейский текст, Куприн, прежде всего, изображает Соломона как царя-строителя, воздвигающего во имя сохранения государственной целостности Храм Единому Богу и царский дворец, благодаря чему художественное пространство повести становится более емким. Сравним:

Через семь лет <...> был завершен храм господень и через тринадцать лет – царский дворец <...> Каменные бани, обложенные порфиром, мраморные водоемы и прохладные фонтаны устроил царь <...>, вокруг дворца насадил сады и рощи и развел виноградник в Ваал-Гамоне <...> (2, 261-262); <...> а на одиннадцатом году, в месяце Буле, - это месяц восьмой, - он окончил храм со всеми принадлежностями его и по всем предначертаниям его; строил его семь лет. А свой дом Соломон строил тринадцать лет и окончил весь дом свой (3Цар.6:37,38, 7:1).

Предметный мир, заполняющий художественное пространство «Суламіфи», максимально детализируется писателем. Он подробнейшим образом перечисляет дорогостоящие строительные материалы для Храма Господнего и дворца, которые в изобилии поставлял дружески расположенный Соломону царь Тирский Хирам. Он присылал Соломону кедровые бревна с Ливана <...>, кипарисные и оливковые доски <...>, дерево пегвовое <...>, ситтим и фарсис <...>, обтесанные и отполированные

громадные дорогие камни <...>, железо, оникс и множество мрамора (2, 261), а также златокованные блюда, литые и иссеченные в камне изображения львов, херувимов, волов, пальм и ананасов (2, 261). За щедрую помощь Соломон отдал Хираму двадцать городов и селений в земле Галилейской (2, 261).

Богатство и мудрость Соломона привлекли внимание южноаравийской царицы Савской, которая преподнесла в дар Соломону красное дерево; оно пошло на перила и лестницы галерей храма и царского дворца (2, 261). В этих описательных фрагментах легко декодируется ветхозаветный мир-текст: Третья книга Царств 5-7, Вторая книга Паралипоменон 4, 9:20. В них подробно излагается архитектурная история культовых сооружений, сыгравших значительную роль в управлении царем многочисленным иудейским народом. Объединение иудейских племен Соломоном под началом Единого Бога привело к неслыханному расцвету Палестины. В претекстах и фенотексте отмечается, что в годы царствования Соломона *серебро стало ценою, как простой камень, и красное дерево не дороже простых сикимор, растущих на низинах* (2, 262); *серебро во дни Соломоновы считалось ни за что* (3Цар.10:21).

Вторым в череде знаковых сцеплений в пространственно-временной организации купринского дискурса и библейских книг является повествование о миролюбивой политике иудейского царя Соломона. Он не воевал, а заключал выгодные династические браки (был женат на Астис, дочери египетского фараона Суссакима (2, 261)), что способствовало урегулированию отношений с соседними странами. Царь успешно занимался сухопутной и морской торговлей в Средиземном море. Опираясь на сведения из ветхозаветных книг, автор-повествователь рассказывает:

Три раза в год возвращались в гавани его [Соломона – прим. М.Д.] корабли «Фарсис», ходивший по Средиземному морю, и «Хирам», ходивший по Чермному морю. Они привозили из Африки слоновую кость, обезьян, павлинов и антилоп; богато украшенные колесницы из Египта <...>, звериные шкуры и меха из Месопотамии, белоснежных коней из Кувы, парваимский золотой песок <...> сандаловое дерево из страны Офир (2, 262) — Ср.: <...> корабли царя ходили в Фарсис с слугами Хирама, и в три года раз возвращались корабли из Фарсиса и привозили золото и серебро, слоновую кость и обезьян и павлинов» (2-я Книга Паралипоменон 9:21)). Художественный акцент на дипломатических и торговых отношениях Соломона с соседними государствами расширяет топонимику повести и углубляет ее интертекстуальные связи с библейскими текстами.

Конкретное время и пространство исторического повествования преобразовывается в «философско-познавательных» главах (III, V) в абстрактный хронотоп. Эти развернутые фрагменты повести вступают в межтекстовые отношения не только с Третьей книгой царств, но и с книгой Притчей Соломона, а также книгой Екклесиаста-проповедника. Третья глава начинается с точной цитаты из Третьей книги царств:

За то, что ты не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов, не просил мудрости, то вот я делаю по слову твоему. Вот я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе (2, 266).

Слова Творца, обращенные к Соломону, рефреном проходят через все повествование III и V глав. Здесь рассказывается о том, как Соломон познает *составление мира и действие стихий, начало, конец и середину времен, проникает в тайну вечного волнообразного и кругового возвращения событий* (2, 266). Куприн переносит в художественный текст мудрые изречения Соломона, представляющие собой эксплицитные неатрибутированные цитаты из ветхозаветных преданий:

Суламифь	Ветхозаветные книги
<i>Помыслы в сердце человеческом – глубокая вода, но и их умел вычерпывать мудрый царь (2, 266)</i>	<i>Помыслы в сердце человека - глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их (Прит.20:5)</i>
<i>Слова мудрых остры, как иглы, крепки, как вбитые гвозди, и составители их все от единого пастыря (2, 266)</i>	<i>Слова мудрых - как иглы и как вбитые гвозди, и составители их - от единого пастыря (Еккл.12:11)</i>
<i>Все суета сует и томление духа, – так говорит Екклесиаст (2, 268)</i>	<i>Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета! (Еккл.1:2)</i> <i>Суета сует, сказал Екклесиаст, все - суета! (Еккл.12:8)</i>

Время и пространство в этих главах, как и в библейских текстах, не конкретизированы. Хронотоп в данном случае подчинен освоению наиболее общих закономерностей человеческой жизни, вневременных и внепространственных. Универсальной категорией в обоих текстах выступает мудрость царя. Обращенная в прошлое, настоящее и будущее, она запечатлена для потомков в слове:

Три тысячи притчей сочинил Соломон и тысячу и пять песней (см. 2, 286); И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять (3Цар.4:32).

Итак, динамичность и насыщенность конкретного времени и пространства в первых двух главах, переходящая в абстрактный хронотоп в третьей главе, позволили Куприну воссоздать образ мудрого и

деятельного правителя, с которым издревле соотносят «золотой век Иудеи». Исторический и философско-познавательный контекст «Суламифи» сформирован по принципу пассивной рецепции. Писатель переносит в начальные главы повести основные сведения из Третьей книги царств, Второй книги Паралипоменон, книги Притч и Екклесиаста-проповедника практически без изменений, в результате чего ему удалось сохранить в художественном дискурсе не только стиль текста-оригинала, но и топографическую и темпоральную аутентичность.

Естественным свойством художественной литературы является дискретность времени и пространства, позволяющая дать мгновенную смену пространственно-временных координат. Применительно к повести Куприна эта особенность художественного произведения проявляется в том, что писатель осуществляет переход от глав, описывающих деяния царя Соломона, к рассказу о его великой любви условной пространственно-временной формулой: *И вот на заре приказал Соломон отнести себя на гору Ватн-Эль-Хав* (2, 269), то есть в один из многих дней правления царя. Там, с рассветом, где-то на южном склоне *Ватн-эль-Хава* (2, 268), среди виноградов, кипарисов, кедров, гранатовых деревьев и диких яблок впервые встречает свою будущую возлюбленную Соломон. Такая пространственно-временная дискретность, с одной стороны, активизирует повествование, а с другой – придает символический смысл завязке любовного сюжета. «Заря» в данном примере является не только временем пробуждения природы (*Утренний ветерок дует с востока и разносит аромат цветущего винограда – тонкий аромат резеды и вареного вина* (2, 269)), но и временем пробуждения человеческой души для любви (*Сестра моя, возлюбленная моя, ты пленила сердце мое одним взглядом твоих очей* (2, 274)).

Страстному чувству влюбленных аккомпанируют художественные образы южной флоры:

Гранатовые деревья, оливы и дикие яблони, вперемежку с кедрами и кипарисами <...> Темные кипарисы важно раскачивают тонкими верхушками и льют свое смолистое дыхание. Торопливо переговариваются серебристо-зеленые листья олив <...> запах цветущего винограда, радостная свежесть утра и горячая кровь в сердце опьяняют ее (2, 268-270).

Плодовые и хвойные деревья в сочетании с ароматами и разнообразной цветовой гаммой значительно усиливают эмоциональную тональность любовной коллизии. Художественное пространство повести, заполненное разнообразными растениями, как бы погружает читателя в мир радости, любви и гармоничного единения человека с природой. Куприн трансформирует здесь топикку прецедентных библейских текстов и создает картину знойной летней природы, являющейся в повести дополнительным средством выражения внутреннего состояния героев.

История любви Соломона и Суламифи, объединяющая IV, VI, VII, IX и XII главы, художественно разработана Куприным на основе ветхозаветной книги «Песнь песней Соломона». На межтекстовое взаимодействие априори указывает эпиграф повести «Суламифь», под знаком которой развивается ее любовная коллизия: *Положи мя яко печать на сердце твоём, яко печать на мышце твоей: зане крепка яко смерть любовь, жестока яко смерть ревность: стрелы ее – стрелы огненные* (2, 260). В отличие от линейно-хронологического времени и конкретных топографических реалий в культурно-исторических главах «Суламифи» интимно-любовный план повествования сочетает в себе пространственно-временную конкретику и абстрактность. Вступая в творческий диалог с библейской книгой, Куприн продуцирует новый текст. Он трансформирует лирические партии «Песни песней Соломона» в эпический сюжет, временную протяженность которого составляют 7 дней и 7 ночей любви Соломона и Суламифи, проведенные в царском дворце. Конкретное время здесь вмещает в себя все этапы развития любви, включая и ее трагический финал:

VIII глава: *Семь дней прошло с того утра, когда ступила Суламифь в царский дворец. Семь дней она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею <...> Так посетила царя Соломона – величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов – его первая и последняя любовь* (2, 290);

IX глава: *Семь дней прошло с той поры, когда Соломон — поэт, мудрец и царь — привел в свой дворец бедную девушку, встреченную им в винограднике на рассвете. Семь дней наслаждался царь ее любовью и не мог насытиться ею. И великая радость освещала его лицо, точно золотое солнечное сияние* (2, 294);

XII глава: *И была седьмая ночь великой любви Соломона, когда Суламифь, услышав шорох за дверью, спрыгнула с ложа, одним движением метнулась навстречу темной фигуре человека с блестящим мечом в руке. И тотчас же, пораженная насквозь коротким, быстрым ударом <...> упала на пол* (2, 311; 313).

Числовой повтор не случаен в художественном дискурсе Куприна. Он позволяет писателю играть смыслами, «включая» те или иные универсальные мифы и образы-сигналы, перемещая читателя в пространство мировой культуры. Известно, что с древнейших времен число «семь» наделяется «священными» свойствами. Оно означает космическую гармонию и связь человека с миром Незримого, Вечного. Достаточно назвать такие примеры его использования в религиозной, магической и

общекультурной традиции разных народов, как семиэтапный акт создания Вселенной, 7 небесных планет, 7 цветов радуги, 7 столпов мудрости и др. (см. 3; 4). Думается, что для Куприна-художника число «семь» значимо именно как культурный архетип, благодаря чему конкретное время в повествовании трансформируется в мистико-символическое, бессобытийное, «нулевое» время. Абстрактное время становится одним из тех художественных приемов, посредством которого выражается главная идея «Суламифи» - «любовь, как смерть, сильна». В этом смысле пространственно-временная организация повести Куприна максимально сближается с хронотопом прецедентного текста – «Песнь песней Соломона». В обоих произведениях наблюдается предельная разомкнутость времени и пространства; их хронотоп – вечность. Ярким примером тому является типологически схожее изображение момента мистического экстаза влюбленных, когда их души сгорают в пламени Божественной любви:

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! - О, как ты прекрасен, возлюбленный мой! <...> Время прекращает свое течение и смыкается над ними солнечным кругом. Ложь у них – зелень, кровля – кедры, стены – кипарисы. И знамя над их шатром – любовь (2, 287; 289); О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложь у нас - зелень; кровли домов наших - кедры, потолки наши – кипарисы (Песн. 1:15-17).

«Разомкнутая» пространственно-временная организация «Песни песней Соломона» в рецепции Куприна приобретает характер синтезированного мифологически-эмпирического хронотопа, сочетающего в себе священную символику и «профанские» элементы.

Безусловно, возможности художественного произведения гораздо шире, чем у лирических гимнов библейской «Песни». Поэтому, в отличие от автора «Песни песней Соломона», Куприн активно включает в повествование все три категории времени: настоящее, прошлое и будущее, – усиливающие тему вечности любви. В любовном сюжете писатель, вместо типичных для эпической литературы глаголов прошедшего времени, преимущественно использует глаголы в настоящем времени, позволяющие максимально «приблизить» читателя к хронологически удаленным от него событиям:

Соломон встает и прислушивается. Милый женский голос, ясный и чистый, как это росистое утро, поет где-то недалеко, за деревьями. Простой и нежный мотив льется, льется себе, как звонкий ручей в горах, повторяя все те же пять-шесть нот <...> Все ближе слышится голос. Вот он уже здесь, рядом, за раскидистыми кедами, за темной зеленью можжевельника. Тогда царь осторожно раздвигает руками ветви, тихо пробирается между колючими кустами и выходит на открытое место (2, 269).

Настоящее время в повествовании о главных персонажах органично взаимодействует с прошлым и будущим. В седьмую ночь великой любви Соломон говорит своей возлюбленной: *Жизнь человеческая коротка, но время бесконечно, и вещество бессмертно. После смерти мы с тобой встретимся, Суламифь, и мы не узнаем друг друга, но с тоской и с восторгом будут стремиться наши сердца навстречу, потому что мы уже встречались с тобой, моя кроткая, моя прекрасная Суламифь, но мы не помним этого (2, 312).*

Такое «сцепление» хронологических пластов репрезентирует авторскую мысль о бесконечности времени и бессмертии человеческой любви. Со всей уверенностью можно утверждать, что в условиях духовного кризиса рубежа веков для Куприна «Песнь песней Соломона» явилась вневременной парадигмой художественного воплощения Любви как великой силы, способной экзистенциальное одиночество индивидуума разомкнуть и ввести его в пространство Богочеловечества.

Таким образом, сочетание культурно-исторического, философского и интимно-личного планов повествования порождает сложные модификации заимствованного библейского материала и, соответственно, пространственно-временной организации произведения. Чередование и взаимодействие конкретной/абстрактной моделей времени-пространства в повести «Суламифь», активной и пассивной рецепции прецедентного библейского материала содействовало появлению нового художественного текста, в котором любовь осмысливается писателем переходного времени как некий важнейший Закон, данный Богом миру и человеку.

1. Киселев Борис Михайлович. Рассказы о Куприне. — М., 1964.
2. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1958. — Т.4.
3. Папюс. Наука о числах. — М., 1999.
4. Число 7. Эл. ресурс: <http://agat.net.ru/astrolog/staty04.htm>.